

Ральф
МАКИНЕРНИ

Ральф
МАКИНЕРНИ

РЕЛИКВИЯ ВРЕМЕНИ

ЭКМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
М 15

Ralph McInerney
RELIC OF TIME: THE ROSARY CHRONICLES

Copyright © 2009 by Tekno Books

Оформление серии *А. Саукова*

Макинерни Р.

М 15 Реликвия Времени / Ральф Макинерни ; [пер. с англ. С. М. Саксина]. — М. : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Легенда мирового детектива).

ISBN 978-5-699-69764-9

Похищение века! В Мехико из храма Мадонны Гваделупской в присутствии многочисленных свидетелей вооруженные люди увезли одну из величайших святынь христианского мира — нерукотворный образ Божьей Матери. Ответственность за преступление взяла на себя некая организация, защищающая американо-мексиканскую границу со стороны США. В ответ тысячи разгневанных мексиканцев взялись за оружие. В воздухе запахло войной. За розыски пропавшей Мадонны берется бывший агент спецслужб Винсент Трэгер. За считанные дни он должен отыскать преступника, покарать его и вернуть святыню на место. Но события развиваются таким образом, что вскоре по подозрению в похищении арестовывают... его самого! Однако Трэгер уже вышел на след и сворачивать с него не намерен...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-69764-9

© Саксин С. М., перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Посвящается Майклу Бакстеру

Septem dierum cursibus
nunc tempus omne
ducitur;
octavus ille ultimus
dies erit iudicii.

Литургия часов

Пролог

I

Ему было пятьдесят шесть лет, но он нервничал, как мальчишка.

Три дня, проведенных в Чикаго вместе с Катериной, определили его решение совершить паломничество в Мексику, к святилищу Мадонны Гваделупской.

В углу холла, слева от стола, где с важным видом восседал портье, туристы из Японии, уже выписавшиеся из гостиницы, сложили свой багаж и теперь беспечно слонялись в ожидании автобуса, который должен был отвезти их в аэропорт О'Хейр. Удалившись в комнату в дальнем конце холла, о существовании которой большинство постояльцев гостиницы даже не догадывается, Ллойд стоял у окна, нетерпеливо ожидая прибытия Катерины. Всякий раз, когда у подъезда останавливалось такси, он подходил ближе к окну, уверенный, что она выйдет из машины. Самолет из Миннеаполиса совершил посадку уже больше часа назад, и Катерина позвонила из зала выдачи багажа:

- Я здесь.
- Мне следовало встретить тебя в аэропорту.
- Не говори глупостей.
- Я забронировал для тебя номер.

Небольшая пауза: это было важное заявление. Они будут жить в разных номерах. Это выглядело как отказ от всего того, что, по мнению обоих, должно было означать это воссоединение.

— Хорошо.

И вот с самого звонка Катерины Ллойд всматривался в каждое подъезжающее к гостинице такси. Глупо, разумеется. Дорога из аэропорта неблизкая, а с этими пробками повсюду...

Ему было пятьдесят шесть лет, но он нервничал, как мальчишка. Катерина узнала о смерти Моники только через год после того, как это случилось, и написала ему, выражая свои соболезнования, хотя с Моникой она не была даже знакома. После окончания школы Ллойд ничего о ней не слышал. Ее письмо пришло тогда, когда он уже успел несколько свыкнуться с горечью утраты, поэтому ему были приятны те воспоминания, которые оно вызвало. После смерти Моники прошло несколько месяцев, прежде чем Ллойд смог заставить себя отнести ее вещи в церковь. Он записал ее в поминальные списки в нескольких храмах и сам молился за нее каждый день. Каким идеальным казался их брак теперь, когда долгая болезнь закончилась и Моники не стало; дом, полный людьми в дни перед похоронами, опустел: только он и его воспоминания. Когда Ллойд собрался ответить на письмо Катерины, ему казалось, что он чуть ли не изменяет Монике. А потом она позвонила, и это быстро стало чем-то привычным. Сначала раз в неделю, затем несколько раз в неделю — телефонные разговоры становились все более продолжительными.

— Ллойд, у меня перед тобой преимущество. Я знаю, как ты сейчас выглядишь.

Фотография на суперобложке его самой последней книги.

— Этому снимку десять лет.

— А ты с тех пор сильно изменился?

Изменился? Ллойд захотелось поведать Катерине о мучительно долгой болезни Моники, о том, как он ухаживал за ней, оставив ее дома, на чем она настояла, о том, как, ког-

да она наконец умерла, у него было такое ощущение, будто ему ампутировали какой-то жизненно важный орган.

— Пришли мне свою фотографию, — попросил Ллойд.

— Если найду что-нибудь десятилетней давности.

Когда фотография пришла, маленький моментальный снимок, засунутый в поздравительную открытку — откуда Катерина узнала про его день рождения? — Ллойд повесил ее на дверцу холодильника, среди фотографий себя и Моника, детей и внука. Разговаривая с Катериной по телефону, он уходил на кухню и обращался к ее снимку.

— Ты по-прежнему красива.

— Ха.

II

«Не хочешь немного подурочиться?»

Они жили на южной окраине Миннеаполиса. Дом родителей Катерины стоял на берегу Миннехаха-Крик, прямо напротив дома Кайзеров. Мать Ллойда кашляла и провожала подозрительным взглядом Катерину, когда та проходила мимо со своим кокер-спаниелем Амосом. В поводке не было необходимости; девочка и собака были неразлучны. Ллойд ду нравилась деланая походка вразвалочку Катерины и ее хулиганский вид.

— Опять она здесь шляется, — недовольно ворчала его мать.

— Катерина идет в гости к Пегги Линдсей.

— Ну-ну.

Что имела его мать против Катерины? Ллойд так и не понял причины ее неодобрительного отношения, однако оно эффективно охлаждало тот интерес, который он мог бы питать к этой девушке. Но как-то раз они случайно встретились вечером возле ручья и прошли вдоль него до озера Гайавата, где на пригорке стояла скамейка, откуда откры-

вался восхитительный вид на водную гладь. Всю дорогу они ни разу не взялись за руки; разговор велся о чем угодно, только не о том, что они гуляли вместе. Амос послушно семенил сзади. Но когда они добрались до скамейки, Катерина подседа к Ллойд у вплотную. Она призывно подняла на него взгляд, и он, склонившись к ней, ощутил своими губами прикосновение ее губ. Его руки скользнули вокруг ее талии, и Катерина крепко прижала его к себе. Казалось, они пробуют себя в качестве натурщиков для Родена¹.

Затем последовали и другие встречи. Они садились на скамейку, Катерина клала голову ему на плечо, и они молча смотрели на озеро. Время от времени Катерина поднимала голову и бросала на Ллойда выразительный взгляд, и он снова ее целовал. Вот и все. Он чувствовал прикосновение упругих грудей Катерины, но не осмеливался их потрогать. Затем как-то раз, когда они поздно вечером возвращались со своей скамейки у озера, Катерина пригласила Ллойда к себе домой. Как только они вошли, Ллойд сразу же понял, что дома больше никого нет. Катерина подвела его к кушетке, словно это была их скамейка. Их поцелуи становились все более горячими; Ллойд начал ласкать Катерину, его рука скользнула к ней под юбку. Она сладостно застонала, но затем резко оторвалась и вскочила на ноги.

— Нет, нет, нет, — пробормотала она, словно убеждая себя саму.

Ллойд не стал настаивать. Он был напуган тем, что сделал. Еще никогда прежде он не трогал девушку так, как только что сделал это с Катериной. Казалось, мысль о том, что дома никого нет, а на кушетке едва не произошло нечто страшное, подтверждала худшие опасения его матери. Несколькими успокаивало только то, что на все это его толкнула сама Катерина.

¹ Имеется в виду скульптура «Поцелуй» видного французского скульптора Огюста Родена. (Здесь и далее прим. переводчика.)

После этого случая Ллойд перестал вечерами спускаться к ручью, если только его отец не выходил погонять мячик на заросшем травой пустыре вдоль северного берега. Однажды там оказалась Катерина, выгуливавшая Амоса. Она подошла, и завязался разговор. Отцу Ллойда девушка, судя по всему, нравилась. Ему нравился и Амос. Катерина спросила, какую клюшку он использует.

— Хочешь попробовать?

Катерина кивнула. Ловко поймав мячик, брошенный отцом Ллойда, она положила его на землю, неподвижно застыла на мгновение, затем старательно взмахнула клюшкой. Удар получился великолепный. Мяч взмыл в воздух по дуге и упал на землю в ста пятидесяти ярдах. Отец захлопал в ладоши, и Ллойд присоединился к нему. Но Катерина изучала рукоятку клюшки. Это была старая клюшка с нанесенной на рукоятке желаемой дальностью удара в ярдах.

— Ста семидесяти пяти не было и в помине, — расстроено пробормотала она.

Неужели она посчитала неудачей такой великолепный удар? Отец Ллойда мудро предпочел больше не играть, и вскоре они направились домой, а Катерина с Амосом перешли через мостик и повернули в другую сторону.

— Как ты думаешь, ей просто повезло? — спросил Ллойда отец. — Тебе нужно было бы попросить ее повторить удар.

Задумавшись, отец покачал головой.

— Возможно, вторым ударом она отправила бы мяч на сто семьдесят пять ярдов, — усмехнувшись, он снова покачал головой. — И недурна собой.

Ллойд пробормотал что-то невнятное.

— Вы с ней дружите?

— О, я бы так не сказал.

— Только не играй с ней в гольф.

Со времени той короткой интерлюдии с Катериной прошла целая жизнь. Но, по-видимому, то лето навсегда осталось у него в душе, и письмо Катерины живо воскресило воспоминания. На присланных фотографиях по-прежнему можно было узнать девушку, какой она когда-то была: все те же короткие волосы, все та же насмешливая улыбка. Но какой она окажется во плоти?

* * *

Внимание Ллойда, стоявшего у окна в фойе гостиницы «Уайтхолл», отвлек портье, пытавшийся всучить какие-то билеты двум туристам, которые этого явно не хотели. Но только он снова повернулся к окну, у него за спиной раздался чей-то голос:

— Ллойд?

Он вздрогнул от неожиданности, и это помогло: все заготовленные заранее фразы начисто вылетели из головы. Они молча стояли, глядя друг на друга. Катерина подставила щеку для поцелуя.

— Надеюсь, это номер для курящих, — сказала она, когда Ллойд подвел ее к портье.

Это оказалось не так. Свободных номеров для курящих больше не было.

— Должно быть, мне достался последний, — виновато промолвил Ллойд.

— В таком случае все в порядке. Нам и одного хватит.

Ллойд остался ждать в фойе, пока Катерина поднялась к себе, чтобы разобрать вещи. Она по-прежнему оставалась гибкой и подвижной, слегка повзрослевшая девушка, женщина. Женщина, которая прилетела в Чикаго, чтобы провести с Ллойдом несколько дней. Воссоединение после стольких лет. Каким естественным получился поцелуй в щеку...

Когда Катерина спустилась вниз, они отправились в бар и выпили по бокалу вина, затем еще по одному. Потом выш-

ли на улицу и прогулялись по Мичиган-авеню. Ллойд сказал, что завтра они сходят на Военно-морской пирс. Пообедав в ресторане гостиницы, они снова устроились в баре, где курение все еще было разрешено. Еще вино и милая болтовня ни о чем. Разумеется, они не говорили о Монике. Напрямую.

— Ты еще носишь обручальное кольцо.

Взглянув на свою руку, Ллойд с удивлением увидел тонкий золотой обруч, который столько лет назад надела ему на палец Моника.

— От своего я избавилась тогда же, когда рассталась с тем, кто мне его надел, — продолжила Катерина.

— Что произошло?

— Он оказался мерзавцем. Разумеется, я сравнивала его и всех остальных мужчин с тобой.

— Да ну тебя.

Она посмотрела ему в глаза:

— Это действительно так.

Ее слова просто не могли быть правдой, но все же было приятно думать, что она говорила искренне. Был уже двенадцатый час ночи, когда они наконец поднялись наверх. Их номера были на одном этаже.

— Очень удобно, — заметила Катерина. — Я смогу заходить к тебе покурить.

Она отперла дверь в свой номер, и Ллойд заглянул внутрь, словно проверяя, достойна ли ее эта комната. Теперь, когда Катерина снова подняла лицо, он поцеловал ее в губы. Она оттолкнула его от себя:

— Я загляну к тебе попозже. Покурить.

Она пришла в пижаме, поверх которой был накинут махровый халат с логотипом гостиницы. Щелкая зажигалкой, Ллойд поймал себя на том, что у него дрожат руки. Посмотрев на него, Катерина взяла его руку и поднесла пламя к кончику своей сигареты.

— Вдвоем от одной спички, — пробормотала она.

Меньше чем через десять минут они уже лежали в кровати. Перед тем они успели поговорить о прогулках вдоль ручья; Ллойд вспомнил, как целовал ее, вспомнил тот вечер, когда они сидели на кушетке у нее дома.

— Не хочешь немного подурочиться? — предложил он.

Эти слова выскользнули у него как-то сами собой. Именно с них неизменно начинался секс у них с Моникой.

— А я думала, ты никогда это не спросишь.

Катерина подошла к кровати, скинула халат и — невероятно — сняла и пижаму. Она присела на край, а затем откинулась назад.

Большую часть следующих трех дней они провели вместе в постели, лишь изредка выходя на улицу. Быстрое посещение Военно-морского пирса показалось им наказанием, призванным оправдать поспешное возвращение домой. Устроившись в другом номере, они лежали рядом, обессиленные и удовлетворенные.

— Я всегда любила тебя, Ллойд.

Он не сразу нашелся, что сказать.

— И я тоже.

— Нарцисс.

— Ты же знаешь, что я имел в виду.

— Скажи вслух.

Ллойд подчинился. Но, произнося эти слова, он понимал, что говорит неправду, что этого не может быть. Его сразила наповал податливость Катерины, то, что она вытворяла в постели, и когда он остался один, у него проснулась совесть.

* * *

— Что это за медальон? — спросила Катерина.

Усевшись на него верхом, она потрогала висящий на груди медальон.

— Его подарила мне мать.

— О-о-о.

— Это чудодейственный медальон.

— Не сомневаюсь в этом, — сказала она, легко ущипнув его.

Вся та вера, что была у нее, улетучилась давным-давно.

— Ты все еще веришь в это? — спросила она.

— Да.

Ллойду не хотелось говорить с ней о религии. Только не так. Ни в коем случае. Он жалел о том, что Катерина заметила его. Этот медальон *действительно* подарила ему мать, когда он впервые пошел к причастию в возрасте десяти лет. С тех пор он носил медальон постоянно, снимая его только в редчайших случаях — например, когда приходилось делать флюорографию. Надо было снять его и перед тем, как лечь в постель с Катериной, но на это все как-то не хватало времени.

— Во всё, целиком и полностью?

Она имела в виду католицизм. Ллойд кивнул.

— В частности, и в то, что для нас грех заниматься тем, чем мы занимаемся?

— Быть может, именно потому это так приятно.

Хо-хо, веселая шутка, однако Ллойду было вовсе не смешно. Вот уже несколько дней ему удавалось гнать прочь подобные мысли, однако насмешки Катерины над медальоном и то, чем они занимались в постели, пробудило у него внутри ревущий глас совести. Ллойд получал наслаждение от каждого мгновения, проведенного вместе, но в то же время ему нестерпимо хотелось поскорее посадить Катерину в такси, едущее в аэропорт. Как только она исчезнет, он отправится в церковь Святого Петра на Мэдисон-авеню, где с утра до позднего вечера выслушивают исповеди, так что священники уже, должно быть, привыкли к рассказам о самых разных грехах.